

Перед вами, уважаемый читатель, яркие документы из победного 1945-го, когда советские войска в ходе Берлинской операции добились фашистского зверя в его логове и принесли всем нам Великую Победу. Это заметки живых участников сражения за Берлин, их воспоминания без купюр.

Как брали Зееловские высоты

Встречи с Маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым

Генерал-полковник в отставке Анатолий Григорьевич Мережко (службу он завершил в должности заместителя начальника штаба Объединенных Вооруженных Сил Государств - Участников Варшавского Договора) прошел всю Великую Отечественную войну. На фронт попал заместителем командира курсантской роты 2-го Орджоникид-зевского военного пехотного училища, под Сталинград, а закончил ее офицером связи штаба 62-й (8-й гвардейской) армии, которой командовал легендарный Василий Чуйков, в Берлине. Как офицеру связи ему пришлось встречаться со многими видными советскими военачальниками. В этих заметках А. Г. Мережко рассказывает о встречах с маршалом Г. К. Жуковым.

- **ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ** сражения за Зееловские высоты и сам Берлин врезались в память фанатическим упорством немцев, несмотря на колоссальные потери и бесперспективность сопротивления, и героическими подвигами наших офицеров и солдат, ведущих последний бой, который, как известно "трудный самый".

В ходе тех боев мне довелось встречаться с Маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым дважды, вернее, трижды. Особенно рельефно врезалась в память встреча его в ночь накануне Берлинской операции и днем 16 апреля в ходе ее.

Дело было так. 15 апреля часа в 22-23 мне командарм В. И. Чуйков ставит задачу выехать за реку Одер на восток километров на десять и в такой-то точке встретить маршала и сопровождающих его лиц и проводить их на передовой командный пункт (ПКП) армии. Ты, дескать, уже имел опыт встречи маршала на Маг-нушевском плацдарме, не ударь лицом в грязь и на этот раз.

Встретил колонку из нескольких "Виллисов". Все они шли с зажженными фарами. При подъезде к мосту через Одер попросил маршала дать команду на выключение фар, т. к. район моста периодически обстреливается дальноточной артиллерией немцев, и дважды немцы пытались разрушить мост ракетами Фау-2.

Маршал на это ответил, что "скоро мы им так засветим, что станет тошно". При выезде из населенного пункта Рейнтвейн вновь попросил выключить фары. В ответ раздались недовольные голоса моей настойчивости с соседних автомашин. В ответ я резко сказал: "Я отвечаю за вашу безопасность!" Но, как только головные машины

выехали из городка, немцы произвели артобстрел. Все моментально выключили фары. Обошлось без жертв.

Проводив колонку до горы Рейнтвейн, на вершине которой был оборудован ПКП Чуйкова и с которого прекрасно просматривались пойма Одера и Зееловские высоты, отправился пару часиков вздремнуть, т. к. давало знать нервное напряжение последних двух часов и то, что перед началом операции офицеры штаба работали несколько суток без сна и отдыха, в том числе расставляя зенитные прожектора на позициях.

Часов в 9 утра меня срочно вызывают на ПКП. По ступенькам быстро вбегаю на вершину кургана. В щели стоят маршал Г. К. Жуков и командарм В. И. Чуйков, который представляет меня маршалу как старого сталинградца и начальника направления на 29-й гвардейский стрелковый корпус. Он, мол, будет выполнять ваше поручение. Маршал грозным голосом, отрывистыми, чеканными фразами ставит задачу: "Разыскать командира корпуса (фамилию его называть не буду, это заслуженный генерал, которого вскоре заменил генерал Г. И. Хетагуров. - А. Мережко) и передать ему мой приказ - организовать штурм Зееловских высот и к 15 часам овладеть ими. В случае не выполнения приказа он будет разжалован до ефрейтора и лишен звания Героя Советского

Союза. От него с таким же приказом побывать у командиров 82-й и 47-й гвардейских дивизий (генералов и Героев Советского Союза) Дуки и Шеменкова. С их пунктов управления связываться со мной по телефону. Ясно, повторите!" Я начал повторять приказ, пропуская наиболее "колоритные" выражения. Маршал прерывает меня и, обращаясь к Чуйкову, говорит: "Василий Иванович, откуда ты взял такого деликатного сталинградца". Командарм выразительно посмотрел на меня и по-чуйковски сделал "внушение". Я четко и дословно повторил приказ и, что называется, кубарем, слетел с вершины кургана. Абсолютно не обращая внимания на рвавшиеся вокруг снаряды и мины, свист пуль, не останавливаясь перед переполненными водой каналчиками и болотцами, ринулся разыскивать в сумятице боя командиров корпуса и дивизий. Об их реакции на услышанное от меня, говорить не буду, все и так ясно.

Однако, они в один голос заявили о том, что главный рубеж обороны немцев находится на обратных, западных скатах высот. Его занимают главные силы обороняющихся, эти позиции не подавлены ни нашей артиллерией, ни авиацией. Как только наши подразделения пытаются перевалить через хребет высот, немцы кинжальным огнем пулеметов, орудий прямой наводки и фаустпатронами все "сбривают". К тому же, вдоль высот курсирует немецкий бронепоезд и наносит фланговые огневые удары по прорвавшимся нашим группам. Доложи, что без повторного мощного удара артиллерией и авиацией армии и фронта, высоты не взять. Связаться по телефону и доложить маршалу я не смог, связь не работала.

Возвратился на ПКП армии, маршала там уже не было. Он отдал приказ о вводе в сражение 1-й и 2-й гвардейских танковых армий и убыл на КП фронта.

В книге А. Исаева "Георгий Жуков" есть такие слова: "Нелегкая доля "кризис-менеджера" наложила свой отпечаток на стилистику руководства Г. К. Жукова... Для сталинской эпохи вообще была характерна определенная "гиперкритичность" приказов и распоряжений. Это был своеобразный управленческий прием подстегивания подчиненных психологическими методами..., не позволяющими расслабиться и почивать на лаврах".

В ту пору на фронте каждый от начальников больших рангов до солдат знали высокую требовательность маршала Г. К. Жукова. Его суровую сухость в обращении, категоричность приказов и жестокий контроль за их выполнением. В то же время знали и другое: "Там, где Жуков - там победа".

Действительно только после мощных ударов артиллерии и авиации по позициям противника на обратных скатах сопков, войсками армии удалось овладеть Зееловскими высотами 17 апреля.

Хочу особо подчеркнуть, что эта встреча с Маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым состоялась в самый критический момент боев за овладение Зееловскими высотами. Этим фактом объясняется его такая категоричная требовательность к командирам соединений, от которых во многом зависит успех операции.

Да, маршал Г. К. Жуков был весьма требовательным. Он в своих мемуарах сам признает это. Но в то -грозное для Родины время нельзя было быть иным. К великому сожалению, многие историки не только зарубежные, но и наши "перестроечные" и "шибко демократичные", а попросту злопыхатели, раздувают эту черту характера Георгия Константиновича до невероятных размеров. Абсолютно забывая о том, какие результаты приносила эта требовательность и о главном - большом полководческом искусстве маршала.

Вопреки этим односторонним исследователям, серьезный, беспристрастный, но глубокий аналитик полководческой деятельности Г. К. Жукова англичанин, военный историк Гаррисон Э. Сомбери так пишет в заключение своего труда:

"...Жуков - человек, возможно, наиболее замечательной военной карьеры XX века. На Западе, может быть, более известны имена таких полководцев, как Монтгомери, Роммель, Гудериан, Де Голль, Эйзенхауэр, Макартур или Паттон. Но когда история завершит скрупулезную и мучительную работу по оценке истинных заслуг, имя Жукова, искусного мастера ведения массовых войн XX века, будет стоять выше всех названных. Он повернул ход истории в пользу СССР... С именем Жукова связаны все крупнейшие сражения на русском фронте".

Об ожесточенных, кровопролитных боях и о буквальном прогрызании мощных многочисленных рубежей обороны немцев от Одера до Берлина и о фанатическом сопротивлении противника в самом городе, говорить не буду, они известны читателям журнала.

Лишь два слова о конце Берлинского сражения. Нас сталинградцев-чуйковцев переполнял гордостью тот факт, что переговоры о прекращении боев в Берлине ведутся на командном пункте В. И. Чуйкова. Почти 12-часовые переговоры с начальником генерального штаба сухопутных войск вермахта генералом Кребсом, начатые по просьбе немецкой стороны, закончились безрезультатно. Мы требовали безоговорочной капитуляции войск Берлинского гарнизона. Кребс упорно твердил, что он уполномочен Гебельсом и Борманом, т. к. Гитлер 30 апреля покончил самоубийством, соглашаться только на временное прекращение огня. Естественно, наша сторона на такую проволочку времени пойти не могла. После мощного и хорошо подготовленного артиллерийско-авиационного удара по правительственным кварталам и имперской канцелярии (над Рейхстагом уже развивалось Знамя Победы), проведенных по указанию маршала Жукова, на КП В. И. Чуйкова появился командующий обороной Берлина немецкий генерал Вейдлинг. Он сообщил о самоубийстве Гебельса и Кребса, попросил прекратить огонь и подписал приказ о безоговорочной

капитуляции всех войск Берлинского гарнизона. Мне офицеру-оператору довелось быть в некоторой степени свидетелем хода переговоров.

В заключение хочу подчеркнуть: глубоко символично то, что подвиг солдат-сталинградцев 62-й (8-й гвардейской) армии запечатлен в граните на Мамаевом кургане в Волгограде - в образе В. И. Чуйкова и в бронзе в парке Тиргартен в Берлине - в образе солдата Н. Масалова, который, рискуя собственной жизнью, буквально в последние минуты войны спас от неминуемой смерти немецкую девочку,

На это способен лишь русский солдат.